

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Зоя Журавлева

Не знаю, с чего я взяла искать именно Б. В. перед нашим Суздалем-96, «Математика и искусство». Небось, начиталась книжек. Или статья, где вектор — триединство поразила меня прозрачной простотой, что вот можно столь сакрально-загадочное рассмотреть так строго и просто, ребенку понятно. Причем вся сакральность — в целости. Словом, позвонила ему. В полной почти уверенности, что откажется. И услышала в трубке, что он — слушает, не между прочим — для него. Спросил, кто будет, откуда. Сказал: «Мне это интересно». Тут же выяснилось, что он только что из Италии, если не путаю, а вскоре, вроде — в июле уже (у нас был, как и теперь, июнь) летит в Китай.

Он бы мог участвовать. Суздаль, это довольно далеко? Кое-что я про его привычки все же узнала заранее. Говорю: «Но мы же с Вами на велосипедах!» «А, — сказал, — тогда другое дело». И больше расстояниями не интересовался.

Наш народ, прослышав про согласие, зашуршал: а что он будет говорить? Все полагали, что о величии математики. Я спросила при случае. «Ну, только не о математике. Математика это ерунда!» Это мог быть сказать о физике ну, что ли, Резерфорд. Или, может, Паули, как я его себе представляю. Словом, лишь тот, кто в своем деле по-настоящему дома и знает, чего его наука на него не обидится. Так что я в ответ на народные расспросы далее помалкивала, нехорошо улыбаясь. Гуманитариев тогда меж нами почти не было, очень мне хотелось, чтоб кто-то искусство от всеильности золотого сечения, ряда Фибоначчи и пр. хоть бы как-то прикрыл.

Как он добирался до Суздаля, не помню. Но уж точно: сам, своим ходом. И появился в комнате, нашей с Г. Ю., утром в день открытия.

Я только в душ влезла, Галя кричит: «Борис Викторович пришел!» Я пулей вылетела. И сразу, как на кинжал, напоролась на его глаза. Он меня еще не видел. А я увидела...

Стишок, который слабо, но уж как может, передает мое ощущение, «упала в мягкую траву и вдруг на нож попала, что нож в траве бывает — я не знала». Он меня еще не видел и смотрел сам в себя. И, дико звучит, но я вдруг мгновенно и с ошеломляющей силой, шкуркой и нутром, ощутила, что такое жизнь. Взгляда наружу — не было. Была — концентрированная прозрачность, втягивающая в бесконечность. Прозрачный холод, но, странно, он был горячим, этот холод. И именно он меня обжог. Я вдруг поняла, что это боль и что она-то и есть концентрация того, что человек накапливает за эту нашу жизнь как запредельную усталость, как переполненность до немоготы, как предел душевных сил, что вовсе не означает предела, потому что этот предел подвижен и гибок. Это был миг. И в этой абсолютной прозрачности, там, в глубине, нарастая, сгущалась тайна: там было, опять же, если стишок, то по Пушкину, «прозрачный лес вдаль чернеет», прозрачный — он же не может чернеть, но чернеет, оставаясь прозрачным. В этой черной сгустившейся тайне и была тайна жизни, иррациональная сила ее, позволяющая эту жизнь счастливо перемочь, себя сохранить и с усталостью от нее справиться. Все это пронзило меня в одно мгновенье. И я успела только подумать: «Как же я буду с ним Круглый стол-то вести?!»

И тут он меня увидел.

«Стол» наш прошел прекрасно. Б. В. был легок, естественен, как всегда, бесконечно отвечал на вопросы, одно удовольствие было как-то в этом участвовать. Больше я таких глаз у него не видела. И, честно, боялась еще раз увидеть. Осталось ощущение, что я что-то хоть и невольно — подглядела, на что права он мне не давал.

Про перспективу — не буду, это я раньше читала. А вот определение подлинник-копия, настоящее-ремесленное, по сути — живое-неживое в искусстве, прозвучавшее на том Столе, было освежающим новым. Опять он сделал, как с триединством, легкий скачок, и непостижимое гуманитарное «чуть-чуть» посредством изящного перевода на язык чисел обрело воистину образную наглядность и точность отточенную. 2-й, 3-й порядок малости, 1,373 или 1,274 — схватывает суть, как пронзительная метафора. И кажется — с детства ты это знал, ну, не мог не знать, настолько это вроде бы на поверхности и буквально же кричит, что тут, тут, тут собака зарыта. Которая не позволяет ухватить анализом художественный образ.

Ага, когда он сказал — тут все просто. Чистая иллюстрация, что в самом простом — главная мудрость и есть.

Мне было трудно соблюсти в точности его текст, так как — вдруг для меня оказалось! — он совершенно не употребляет вводных слов, всех этих моих излюбленных: «кажется», «возможно», «конечно» и т. д. Фразы его чрезвычайно скромны, почти нет эпитетов, а текст — красивый, вот ведь было мне дико, текст точен, как карандашом в стол кольнул, и вроде бы прост до отвращения, а концентрацией мысли ведет себя как вполне художественный. И неоднозначность и многоплановость рождаются по каким-то другим, видать, законам — вне и даже вопреки обычной языковой изворотливости. Я себя за руку держала, чтоб не всунуть ему ненароком пару своих рефлексий.

Сдержала. И была довольна. А он ушел читать в другую комнату. И читал удивительно долго. И чего-то, в отворенную дверь видать, все чиркал там карандашом. Господи, ну ведь *так* все! Наконец, вынес мне странички. Я вникла и обмерла. Всюду, где можно было, он убрал «моя» (книга), (эти) «мои» (соображения). И еще — «Я». Все мы прекрасно знаем, что Я в стихотворении и Мы в научной статье отнюдь не свидетельствуют о нарциссизме или, наоборот, авторской скромности. Но факт остается фактом. Я впервые видела, как человек максимально себя убирает из своего текста. Но он, видать, знал заветную грань. Как я этот текст — с его вымарками — потом ни вертела, я видела, что индивидуальность, личность, то самое выкинутое «Я» сделалось только ярче. А ведь начни только черкать, мигом же испортишь. Но тут опять, значит, работал второй-третий-четвертый порядок малости.

А больше всего мне нравилось, как он естественно к самому себе относился. Иногда мне казалось, как лист, как облако, как можжевеловый. Если бы мы могли вникнуть и услышать, как они к себе относятся. Ну, расту, ну, цвету, ну, мотаюсь по небу до одури, ну, ветку вчера обломал. Такая природная естественность. «Я, Зюечка, дурак, я этого (того-сего, другого-третьего) не знаю, никогда этим не занимался». Умора! Твердо верил, что тот, кто об том-этом, другом-третьем без конца и с апломбом рассуждает, всем этим занимался! Он вообще, как я заметила, любил слово «дурак». Особенно — применительно к себе. Это у него не ругательство было, как у Чехова — собака. Это было краткое и исчерпывающее определение — отношения, связи, состояния, всего целиком. Безоценочное. И заодно снимающее претензии, которые вдруг у кого бы возникли. «Я вообще дурак, серьезных книг и по специальности много прочесть не могу, их там — горы, статей всяких. Я потому и любил тем заниматься, чем человек не больше 5 до меня занималось. Проще. Читать не надо. Можно придумать самому». И, как мы знаем, придумывал. Или: «Б. В., а как внучку звать?» — «Я, Зюечка, люблю, чтоб память зря не загружать. Все женщины — Веры, а мужчины — Борьки». — «Ага, но Оксаной все же вторую назвал!» — «Близнецы, куда денешься. Пришлось ввести Оксану».

Один раз я видела его подавленным. Сидел как-то одиноко на стуле, где мы обычно чай пили. И стул сиротливо отставлен. И сидел нахохлясь. А должен был быть в Академии на каком-то, общем, что ли, собрании. Я думала, Вера Михайловна — одна. Говорю: «А собрание?» Как-то неровно махнул рукой: «Не пошел. Я его видеть бы не смог». Это, наверное, 96-й год, перед выборами, потому что — про Ельцина. В нравственном отношении, оговаривать это даже неловко, — был бескомпромиссен. Помню, после 85-летия Вера Михай-

ловна говорила, что они дома побаивались, как бы Ельцин орден ему не дал или еще чего. Мол не возьмет же! И будет скандал. Но ни ордена, ни чего другого — не последовало, не до того. Зато за два дня до дня рождения позвонили из Яблока. И предложили возглавить предвыборный штаб Явлинского. Помню, это меня сильно поразило. Тупое их нелюбопытство, чтоб не узнать даже — сколько лет, что недавно чуть не умер. Куда! Такие мелочи! Вот — Штаб, это надо. Поздравил, наоборот, Зюганов: письмо, не то бумагу прислал. Почтил! Но опять же — сообразилки никакой, что мол приятно ли, это неважно. А, грубо говоря, политический разговор помню один. Если одну фразу можно именовать разговором. После Китая сказал: «Я бы там остался». — «В каком смысле?» — «Ни в каком. У них наверху — люди умные».

Перед Суздалем-99 Б. В. ходил с трудом. Я, когда пришла их с В. М. звать, понимала, что — не поедут. И мне как их уговаривать? Но уговаривать не пришлось. Он только сказал: «С Верой». Она была в кухне, я — туда. Ну, зачем, думаю, она поедет? сто раз в этом Суздале была! в июне вообще — дача! Она вдруг говорит: «А Борьку куда девать?» — «Борьку?! Борьку — с собой!» — «Ну, если только — с Борькой...» Так это в миг меж нами тогда решилось. А уже незадолго звоню: «В. М., как?» — «Хорошо. Вчера у врача была. Сказал — тромбофлебит». Ну, кранты. Длинная пауза. Потом она: «Теперь вам с нами в Суздале посложнее будет». Ну, — меня прямо ожгло, — ну и дура ж я! Они же слова своего — не меняют, если дали. А совсем уже перед Суздалем: «Как вы там?» — «Хорошо. Борька руку вчера сломал...» Ну, я к этому времени уже закалилась в борьбе. Нашлась сразу, до сих пор горжусь: «Хорошо, что не ногу!» — «Вот это — хорошо». И засмеялась своим прекрасным ломким смехом. Так трое и поехали — Б. В. — с палкой («А мы с ней разговариваем» или «Это она — со мной, а не я — с ней»), В. М. почти всю неделю в номере пролежала, а Борька ходил на все доклады и очень нам всем понравился. А Б. В. сперва выступать отказался, только — несколько слов на открытии. А через 3 дня мне в номере говорит: «Зюечка, а у меня Круглый стол будет?» И до часу ночи сидел с нами в фойе: разговаривал, зала вечером у нас не было, вечно — деньги. Разговор этот мы все помним. Я потихоньку, чтоб атмосферу не порушить, сбегала к В. М. «Как он там?» — «Как всегда, прекрасен!» Это правда была.

Да, забыла. Недели за 2 до Суздаля был для меня еще такой волнующий момент. Я в какой-то газете, пока к ним ехала, прочла, что приезжает Сорос. И тут же вспомнила, что кто-то, по слухам, не сможет поехать в Суздаль, уже отказался, потому как зван на какое-то научно-общественное сборище, где ждут Сороса. И я, как только вошла, сразу В. М. и Б. В. рассказываю, что вот такой-то не едет, поскольку будет Сорос, вдруг денег даст и вообще. Ляпнула. И тут же вспомнила, что они же с Соросом — друзья! Вот и лопнул Суздаль! Б. В. вскинул голову: «Джордж приезжает? Он к нам всегда заходит, когда приезжает. Верочка, ты слышишь? Джордж скоро будет в Москве!» — «Слышу. А когда?» — «Зюечка, когда?» Пришлось выговорить, что — когда Суздаль... «Верочка, на этот раз не увидимся с ним. Мы в это время — в Суздале».

Он был бесстрашный человек. Это мне одна умная женщина сказала, когда прочтала «Постскрипtum». Ей было за девяносто, библиотекарь, в полной интеллектуальной сохранности, стихов знала бессчетно. «Всю ночь читала, спасибо. Бесстрашный человек!» — «Ну, бесстрашный. А почему?» Я вообще-то догадалась. Меня тоже эта фраза рванула за сердце. Самая в книжке первая. Помните? «У меня нет будущего». Так спокойно. Даже легко. «Нет будущего» — и дальше десятки страниц, где жизнь блещет, кипит, закручивает и самим текстом это будущее уже продуцирует. Но каждый, кому давно не 20, исподтишка, в тайне от себя самого, подозревает, что, может, с будущим уже некоторые, как теперь модно выразиться, проблемы. Но вслух, как правило, не произносит. Помалкивает про себя. Потому что сказанное — опасение это крепко у нас в подсознании — обретает силу. Кто его знает — это Слово! Не хотел, а накличешь. Он — сказал.

Когда я, после обрушившихся вечерних «Вестей», дозвонилась из Питера до Москвы и уже поговорила с В. М., трубку взяла Вера Борисовна. И у Веры я уже решила спросить: как это случилось? в больнице? дома? «Что ты? отца не знаешь?! — закричала Вера. — Не захотел инвалидом жить! И не стал». Я ничего не поняла и только обругала себя за вопрос. Нашла время спрашивать! Вера — понятно же в каком состоянии! А уже позже, через несколько месяцев, мне рассказала Вера Михайловна. И так именно и получалось, что решил — хватит.

Но ведь не может же быть! — говорю я себе. Как это — решил: хватит? Б. В. решил? Болезнь решила? И все больше думаю: мог он так решить? И понимаю: он — мог. У него была колоссальная сила жизни. И он умел ею управлять. Бесстрашная воля, чтобы управлять могучей силой жизни.

Это наше счастье, что все мы хоть краем соприкоснулись с этой Жизнью.